

Н. УЛЬЯНОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
РОССИИ**

НЬЮ ИОРК

1 9 6 2

Н. УЛЬЯНОВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИИ

НЬЮ ИОРК

1 9 6 2

Речь, произнесенная 13 мая 1962 г. на собрании, посвященном 1100-летию Государства Российского, в зале New York City College, и повторенная в Париже 7 июня 1962 г. в зале Русской Консерватории.

Для юбилейных торжеств существуют какие то непреложные числа. Никто не сомневался в законности празднования тысячелетия России. Но тысяча и сто лет уже нуждаются в оправдании, по крайней мере, в объяснении. Неужели потом праздновать тысячадвухсот и тысячатрехсот-летие? Сарказм этих вопросов был бы законен, если бы между 1862 и 1962 годами не произошло величайшего события, стершего с лица земли самое имя России.

Вот уж сколько лет обсуждается вопрос: жива она или погибла. Многие давно простились с нею, полагая, что у теперешнего государства никакой преемственности, кроме территориальной, со старой Россией не существует. Не будем отрицать ни правильности, ни ошибочности такого суждения. Самые глубокомысленные наши заключения и прогнозы, не больше как гадания, необязательные для истории. Последнее слово останется за нею и мы не знаем какое это будет слово.

При таких обстоятельствах, законно и человечно, чтобы родившиеся в России, видевшие ее воочию, связанные с нею сыновними узами, могли не ждать второго тысячелетия, но воспользоваться новой протекшей сотней лет, чтобы пережить, собравшись вместе, свою к ней близость.

Если она, в самом деле умерла, то как не вспомнить слов, сказанных более пятидесяти лет назад: «Счастлиую великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец глупа, наконец, даже порочна. Именно, когда наша мать пьяна, лжет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее. Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и будет являть одне кости — тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому ненужного и всеми плюнутого».¹

Пришло ли время для такого плача — не знаем. Знаем, только, что Россия — исторический факт. Как барельеф, как древняя надпись, врезана она в скалу мировой истории и далеко не все, старшие по возрасту страны, могут похвастать такой глубиной оттиска оставленного в веках. За последние 250 лет ее участия в европейской жизни, не было ни одного мирового события, в котором бы она не играла видной, иногда решающей роли. Какова была бы судьба Европы при Наполеоне, не будь России? Чем бы кончились обе мировые войны без ее участия? И не живем ли мы в эпоху, когда участь земного шара определяется событием происшедшим в России 45 лет тому назад?

Ее мировая роль пробудила интерес к ее далекому прошлому, на которое раньше никто не обращал внимания. Теперь всем хочется знать, какова была колыбель гиганта.

От территории и численности народонаселения до проявлений духовной жизни — она действительно гигант. Даже свой вклад в мировую культуру внесла рукой великана. У нее, в сущности, и было одно только столетие культурного цветения; все, что сделано значительного в литературе, в музыке, в театре, в науке, в философии — падает на девятнадцатый век. Это отмечено Полем Валери, как одно из трех чудес мировой истории. Русское девятнадцатое столетие он ставит в один ряд с такими явлениями, как древняя Греция и европейский

---

¹ В. Розанов — Опавшие листья.

Ренессанс. Этот век в самом деле похож на чудо. С ним Россия не только стала вровень с просвещенными странами, но и сделать успела столько, сколько за целые века. Да не упрекнут меня за избитое сравнение русской истории с Ильей Муромцем, сиднем сидевшим тридцать лет, прежде чем начать совершать подвиги. Но чем, как не ответом на многовековое сидение России явился девятнадцатый век?

* * *

Нам не открыт смысл истории и у нас нет критерия для оценки пути отдельных народов. Но если просто спросить, что прежде всего бросается в глаза при обозрении русской истории, ответ нетрудно предвидеть: ее парадоксальность, непохожесть на историю других стран. Хотя советской историографии постановлено требование унифицировать ее с западноевропейской историей, но без насилия над фактическим материалом эта задача невыполнима.

Россия первая свергла капитализм, но капитализма в ней, почти, не существовало. В ней не было пролетариата, но произошла пролетарская революция. Европейские социалисты глубоко ее презирали, но именно в ней победил социализм и величайшему русофобу К. Марксу поставлен, недавно, памятник в Москве. Часть ее населения до сих пор живет в полуразвалившихся избах и мазанках, но она первая завоевала космос. У нее есть Пушкин, Лобачевский, Лев Толстой, Менделеев, Павлов, Глинка, Мусоргский, но она слывет варварской. У нее было многочисленное дворянство, но западно-европейские дворяне не считали его себе ровней. Не ровня был и русский крепостной крестьянин западному. Тамошнее крепостничество выросло естественным путем из старого римского рабства и из завоеваний; в России оно создано сверху актом государственной воли. Существовала в России сильная монархическая власть, но европейский абсолютизм подчеркивал свою отличную от нее природу. Западные монархии были сословными, выросли из феодализма и в борьбе с ним; русская монархия возникла в

стране, где феодализма не было, да и сословий никаких, в момент ее появления, не существовало. В России не сословия создавали власть, а власть создавала сословия. Когда Сталин, в 1912 г., приспособив австро-марксистскую схему для разрешения национальной проблемы в России, он так и не смог подогнать русское многонациональное государство под соответствующие европейские образцы. Там многонациональному государству предшествовало государство одной национальности, подчинявшее себе другие народы. Русское государство возникло сразу, как многонациональное, и в нем не было господствующей нации.

Похоже, что все теории социального, государственного-политического развития, созданные на основе изучения западно-европейского исторического процесса, неприменимы к истории русской. Как тут не вспомнить тютчевское «умом Россию не понять»? Во всяком случае, она до сих пор загадочная, наименее понятая страна.

* * *

Главным предметом интереса историков при изучении русского прошлого была история государства. По словам В. О. Ключевского, «вековыми усилиями и жертвами, Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времен падения Римской империи». Про него, еще в XII веке, краковский епископ Матвей писал, что оно, «как бы другой мир земной».

В XIX и XX столетиях, русская государственность подверглась величайшему поношению и поруганию со стороны европейской и русской революционной публицистики. Но объективной исторической науке ясно, что без нее не было бы ни русского девятнадцатого века, ни самой России. Все, кто, вопреки анархизму, продолжают видеть в государстве высшую из известных форм человеческого общежития, не могут не усматривать величайшего культурного события в факте возникновения на востоке Европы самой крупной и самой ранней средневеко-

вой империи, если не считать эфемерной империи Карла Великого. Это тем более, что в отличие от европейских государств, Россия возникла не на почве удобренной римской культурой, а в лесах и болотах. То была, поистине, «поднятая целина». Ни у Олега, ни у Владимира не было, как у Теодориха остготского, советников, вроде ученого римского сенатора Кассиодора. До всего доходили собственным разумом, каждый опыт оплачивался кровью. России дорого обошлось ее окраинное положение. И если, вопреки всему, произошло включение огромного первобытного пространства в сферу цивилизации, если возникшее государство оказалось, все-таки, государством европейским, то не злобы и насмешек невежественных журналистов достойно оно.

* * *

Прежде, чем назваться русским, оно носило много других названий. Этому дорусскому периоду отводили в прежних курсах истории не больше двух-трех страниц, и говорили о нем, как о чем-то мало касавшемся России. Только ранние русские историки — Татищев, Байер, Ломоносов, связывали его с отечественной историей. Новейшая историография обнаруживает много склонности итти по их стопам и начинать нашу историю не с Рюрика, а с VI-VII веков до н. э. Мы все чаще раскрываем IV книгу Геродота и все больше видим в нем первого русского историка. В скифах, сарматах, готах, гуннах таится наше прошлое.

Невозможно не задуматься над тем, что все дорусские государственные образования занимали, приблизительно, ту же территорию, на которой утвердилась империя рюриковичей. Очертания ее сложились задолго до Олега, Святослава, Владимира. Стояли ли во главе его скифские и сарматские цари или готские и гуннские владыки, власть их неизменно простиралась на земли раскинувшиеся от Черного до Белого морей и от Прибалтики до Поволжья. Нам не трудно понять такое очертание границ. На всем этом пространстве не было сгустков

населения, способных дать отпор вражескому нашествию. Необъятная лесостепная равнина, лишенная путей сообщения, с поселками и городами, отстоящими на сотни верст друг от друга, была легкой добычей для всех собирателей дани. Всю ее могла покорить небольшая, хорошо слаженная дружина.

И покоряла. Ее предистория являет картину рассыпанного беспомощного населения, тысячелетиями не выходявшего из под даннического ярма сарматов, готов, аваров, хозар. Какая бы новая сила ни становилась во главе страны, она неизменно стремилась дойти до ее естественных пределов, каковыми являлись, первоначально, пределы собирания дани. Если существуют законы истории, то один из них надо усматривать в географических очертаниях Государства Российского.

В наши дни широкого распространения мифа об извечном русском империализме и захватничестве, небезинтересно отметить факт образования русского Lebens-Raum задолго до появления Руси. Она велика от рождения, а не в силу завоевания. Создание империи рюриковичей, как оно изложено в летописи, похоже не на завоевание, а на государственный переворот. Князья покоряли не свободные народы, а перенимали власть над ними от прежних державцев. «Не дайте хозарам, дайте мне», — говорил им Олег. Самим народам, видимо, безразлично было, платить ли хозарскому кагану или новгородскому конунгу.

С тех пор, как продукция земледельческого и охотничьего труда стала предметом экспроприации, на территории России не переводились хищные ватаги, вроде «царственных скифов», считавших, по словам Геродота, всех остальных своими рабами.

В литературе не раз высказывалась мысль, что рассматривать их надлежит не с этнографической, а с социально-политической точки зрения. В них видят больше военные организации, чем национальности. Похоже, что между ними существовала преемственность. Сарматы, например, безусловно вошли в состав готской дружины. То же и хозары. Полагают, что значительная часть их прим-

кнула к своим победителям руссам и под новым именем продолжала нападать на Византию, грабить Персию и хозяйничать среди подвластных племен. Высказано мнение, согласно которому, никакими пришельцами все эти собиратели дани не являлись, но возникали поочередно из гигантского этнического котла, каким была во все времена великая русская равнина. Это необходимо иметь в виду при рассуждениях о чужеземном начале в образовании русского государства.

* * *

Вот уже двести лет идет спор о первых князьях: скандинавы они или славяне? Спор вызван национальным высокомерием немецких историков и оскорбленным патриотизмом русских. Но уже к XX веку он утратил научный интерес. Возобновление его после второй мировой войны в СССР объясняется вмешательством в науку партийных коммунистических учреждений. До войны ни один серьезный историк вопросом призвания князей не занимался, хотя бы потому, что давно никаких новых источников в научный оборот не поступало, при наличии же имеющихся он неразрешим. До сих пор не установлено — факт это или легенда. Не установлена личность Рюрика, не говоря о его братьях Синеусе и Труворе. И уж, конечно, год их «призвания», указанный в летописи, принимается условно.

Рассказ летописца о начале Руси В. О. Ключевский назвал «схематической притчей о происхождении русского государства, приспособленной к пониманию детей младшего возраста». Академик Куник давно обратил внимание на существование легенд и песен у различных народов о призвании князей, очень похожих на наше летописное сказание. Даже слова: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет, да поидете княжить и владеть нами», кажутся заимствованными из рассказа Видухинда о призвании Англо-Саксов, до того похожи они на то, что сказали Бритты Генгисту и Хорсе. Роль бро-

дяхих сюжетов в историческом повествовании столь же велика, как и в народной поэзии.

Несомненный бродячий сюжет надлежит видеть в легенде об основании Киева. Армянская рукопись VIII века, обнаруженная Н. Я. Марром, повествует о построении в Закавказье города того же, почти, названия, с участием неизменных трех братьев, из которых двое, Куяр и Хореан, почти аутентичны с нашими Кием и Хоривом. Имя же сестры их, в переводе с армянского, означает лебедь (наша Лыбедь).

Важнейшим результатом спора норманистов с анти-норманистами было признание его несерьезности. Выяснилось, что если первые князья, в самом деле были варягами, а не славянами, как утверждали Ломоносов, Забелин, Гедеонов, то вряд ли им надо было переплывать Балтийское море, чтобы прийти на Русь. Варяжские поселения в нашей стране существовали с давних пор — в Приладожье, под Полоцком, под Смоленском, под Черниговом. Проф. П. Смирнов собрал обильный материал, позволивший ему утверждать факт существования в VIII веке варяжского каганата на средней Волге. Проф. Г. В. Вернадский высказал мысль о таком же каганате на Дону и в Приазовье. Пора усматривать в варягах свой отечественный элемент.

К тому же, версию о германском гении, как учителя и устроителя земель диких славян, стало трудно отстаивать; в новейшей литературе считается установленным, что все превосходство варягов заключалось в их боевых качествах, культурно они стояли ниже многих племен тогдашней России и быстро растворялись в их среде. Известно, наконец, что государственность в России существовала задолго до Рюрика. Житие Стефана Сурожского упоминает о каком то русском князе Бравлине, жившем чуть ли не за сотню лет до новой династии. Летопись называет имя Гостомысла. Из договоров Олега и Игоря с греками можем заключить, что еще в X веке, во всех племенных центрах сидели свои князья «под Ольгом сущи». Эти родо-племенные правители, вроде древлянского Мала, вроде вятического Ходоты, были

истреблены, с течением времени, и заменены рюриковичами, но это несколько не колеблет факта, что новая династия пришла на готовое.

Не будучи создательницей родоплеменной государственности, она не была и создательницей имперской формы. Та и другая выкристаллизовались до нее. Вопрос же о том были эти новые князья славянами или норманами не имеет значения. Важно, что они наши предки. Расовая точка зрения — наименее русская из всех.

Историков больше занимает вопрос о характере их власти, совершенно исключительной, приближающейся к власти позднейших абсолютных монархов. Недаром в некоторых летописных сводах они именуются самодержцами. Никакого самодержавия ни в киевские, ни в удельные времена наука не признает, но она издавна обращала внимание на отсутствие общественных сил, оспаривавших у князей власть или инициативу. На протяжении всей тысячи лет не видим ничего похожего на общественность в том смысле, в каком она существовала на Западе — ни феодальных сеймов, ни городских общин, ни, даже, дворянской фронды. Дворянство, городское сословие, самые города — суть создания государственной власти. По словам П. Н. Милюкова, русский город «не был естественным продуктом внутреннего экономического развития страны». «Раньше чем город стал нужен населению, он понадобился правительству». Даже в XIX веке, крупная капиталистическая промышленность «искусственно создана была государством». Городское самоуправление возникло не в силу активности соответствующих социальных групп, а «даровано» — установлено сверху.

Исследование А. Е. Преснякова о княжеском праве в древней Руси обнаружило в нем источник всех институций — военных, административных, экономических и социальных. Даже знаменитые вечевые порядки представляются результатом княжеской политики. Все, что было «общественного», вроде крестьянского самоуправления, земских соборов, пореформенных земств — обязано своим бытием государственному законодательству. По-

литические же партии у нас, по меткому замечанию П. Я. Рысса, были не столько партиями, сколько литературными течениями. Вот почему в русской истории не найти фигур, подобных Этьену Марселю или принцу Кондэ. Русские оказались самым необщественным народом. Дьяк Иван Тимофеев, еще в XVII веке писал: «Такой недуг укрепился в нас от слабости страха и от нашего разногласия и небратолюбивого расхождения: как отстоит город от города или какие нибудь местности разделенные между собой верстами, так и мы друг от друга отстоим в любовном союзе, и каждый из нас обращается к другому хребтом — одни глядят к востоку, другие к западу». «Русский человек лучше русского общества» — сказал Ключевский.

Эта особенность русской жизни давно занимает политические умы. В наши дни она служит предметом усиленной работы теоретической мысли, выражаясь в учениях о влиянии способа пеленания детей на характер народа, о врожденной инертности и рабской натуре русского человека, о «чингизхановском социализме», якобы усвоенном русскими на заре своей истории, о происхождении русской государственности из восточных деспотий. Разрозненные и несогласованные друг с другом, эти учения укладываются постепенно в привычное русло расовой теории и русофобии Альфреда Розенберга. Объявить русских унтерменшами куда как приятнее и легче, чем доискиваться исторических причин слабости в России общественного начала и силы государственной власти. Около семидесяти лет тому назад, П. Н. Милюков высказал взгляд, по которому раннее возникновение сильной власти и раннее собиранье Руси вызваны слабостью страны и потребностью самозащиты. «На востоке Европы, — утверждал он, — государственная организация сложилась раньше, чем мог ее создать процесс внутреннего экономического развития. Напротив, в западной Европе государственный строй явился результатом, внутреннего процесса. Европейское общество и государство строились, так сказать, снизу вверх. Централизованная государственная власть там действительно яви-

лась, как высшая надстройка над предварительно сложившимся средним слоем феодальных землевладельцев, который в свою очередь вырос на плотно сложившемся низшем слое оседлого крестьянского населения. У нас же, особенно в северо-восточной Руси, общество строилось сверху вниз».

На слабое, не начавшее еще жить общественное тело российских племен, надеты были железные доспехи необозримого по размерам государства. Они служили, как бы формой для его роста. Как непохоже это на германские племенные государства, возникшие на захваченной римской территории! Масштабы их соответствовали величине и силе племен, и никакой надплеменной схемы над ними не было. В России с незапамятных времен образовалась полярность между племенным и имперским началом, между провинциальным и централизованным управлением, между ограниченностью местных интересов и широким имперским кругозором. Не только в общественном, но в культурном, в экономическом, во всех других планах, русская история похожа на проект грандиозного здания, рассчитанного на многовековое строительство. В то время, как германо-романская Европа давно построила свои уютные домики и наслаждается жизнью, российская храмина создавалась медленно, как циклопическое сооружение.

Можно, конечно, вступать в спор с историей, доказывать нелепость, «непрогрессивность» такого строительства, можно возмущаться насилиями хозар, варягов, князей, бояр, но одного нельзя сделать: доказать, что русская история шла не тем путем, каким следовало. Пушкин — величайшее порождение и оправдание этой истории понимал нелепость отказа от нее.

Не будем требовать такого же понимания от современных партийных доктринеров, не придумавших для выдающихся ученых, видевших в государстве демиурга русской истории, иного определения, как «реакционеры». Трудам этих исследователей мы обязаны уяснением сокровенных черт русского исторического процесса. Даже руководители советского научного «фронта» вынуждены

с давних пор соглашаться с тем, что централизованное государство у нас «складывалось ускоренно, опережая экономическое развитие и образование нации».

Стоило ли так долго бранить Милюкова, чтобы втихомолку принять его идею? Это ли не капитуляция перед «буржуазно-дворянской» историографией?

России выпала доля — итти путем подчинения частного общему, личного государственному. Казалось бы, это и есть тот путь рабства, о котором твердят ее хулители. Он и был бы таким, яви она пример тысячелетней неподвижности, затвердения принципов власти и покорности. Но Россию не случайно сравнивали всегда с военным лагерем, ведшим отчаянную борьбу на все стороны. С каких пор «господство и подчинение» на войне обозначается словом «рабство»? Высшее в человеке не убивается борьбой. Сохранил свою внутреннюю свободу и русский народ. Устремлением к вершинам духа и творчества отмечено все его прошлое.

География, экономика, этнографическое окружение, удаленность от очагов культуры, обрекали его на вековую отсталость, на исключительно медленное развитие. Но он спасен историей — волевым преодолением хаоса. Некий всадник «уздой железной» стремил коня к высокой цели. Не с одним петровым именем связано вздергивание России на дыбы. Его мы видим уже при Владимире, при Ярославе, при обоих Иванах. Воистину, монумент на Сенатской площади — символ нашей истории. Так воспринят он всеми способными к алгебре исторических обобщений. Только для тех, что не пошли дальше цифири политической арифметики — он аллегория насилия и рабства.

Что русский народ терпел не мало насилий, это верно, но рабское ли то было терпение?

Не права ли русская поэзия, почувствовавшая в нем возвышенное начало? Не угадывал ли народный инстинкт, что другого пути, кроме того, которым она шла, нет для России? Даже Плеханов признал, что «полное подчинение личности интересам государства не было вызвано какими нибудь особыми свойствами русского

«народного духа». Оно явилось вынужденным следствием тех условий, при которых пришлось вести борьбу за свое историческое существование русским людям».

Сохранение национальной независимости, обретение культуры — вот ценности, покрывавшие «вековые усилия и жертвы». Один девятнадцатый век способен оправдать издержки всех предыдущих столетий. Такое же оправдание явлено стремлением к воссоединению с русским народом тех его частей, что пробыли долгое время под польским и под мадьярским игом.

* * *

И только ли насилие и деспотизм отличают русское государство? В какой другой истории встречается образ царя, едущего в чужие края за наукой, за просвещением для своего народа? Еще в Скифии, где предвосхищены главные мотивы русской истории, встречаем его. Геродот сохранил нам имя царя Анахарсиса, отправившегося в Элладу посмотреть ее города, храмы, богов и героев, чтобы перенести греческое великолепие в родные степи. Это совсем, как Петр. Но были еще княгиня Ольга и Владимир.

Владимир ходил войной, но целью были христианизация и просвещение. Возникшая при нем православная церковь, будучи тоже созданием государственным, явилась единственным учреждением, чью роль можно сравнить с ролью самого государства. Начать с того, что вместе с христианством она принесла на Русь культуру, неотделимую в средние века от церкви. После татарского погрома, она очутилась в положении единственной всероссийской власти. Разрозненное нашествием население смотрело на митрополита всея Руси, как на символ прежнего единства. В самую мрачную пору России, церковь спасла это единство. Она же верно угадала и освятила своим авторитетом тот новый центр, вокруг которого началось объединение. Трения бывшие у нее, иногда, с царями и великими князьями означали не столкновения власти с церковью, как с институтом, но с отдель-

ными неудачными ее представителями, вроде строптивного патриарха Никона, либо митрополита Исидора, принявшего флорентийскую унию. Следует признать величайшим недоразумением, распространенное мнение о порабощении ее государством. Она была слишком слаба в языческой варварской стране, чтобы успешно выполнять свою миссию без помощи государственной власти, она сама искала ее покровительства. Даже догматические и канонические вопросы выносила на ее суд и утверждение. Это имело место как в «царской» Москве, так и в «вечевом» Пскове. Именно из веча Пскова изошло учение о «Третьем Риме», по каковому учению, московскому царю приписывалась миссия защитника и устроителя правой веры. Церковь не только не противопоставляла себя государству, но мыслила себя монистически слитой с ним. Правительству не было необходимости «поработать» ее.

* * *

Одна черта русского государства заслуживает специального упоминания — это его многонациональность. В вульгарном представлении, она результат «русской экспансии» с целью колониальной эксплуатации. Но мы знаем, что она досталась Руси в наследство от сарматско-готско-хозарского прошлого.

Народы русской равнины тысячелетиями привыкли жить под одной властью, под общей государственной крышей. У Иордана находим упоминание о Мордве, Мери, Веси, Эстах и Обонежской Чуди, которые уже в IV веке входили в состав державы Германриха, простиравшейся на всю эту равнину. Вряд ли можно сомневаться, что готская держава, как все предыдущие, и последующие, являлась не государством определенной народности, но возглавлялась вооруженной кликой. В киевском государстве, во всяком случае, трудно указать властвующую народность. Славяне? С них брали такую же дань, как с прочих земель, а с древлян, однажды, хотели взять двойную. Даже первая столица государства, Новгород, платила, как прочие города. Никаких

специально славянских привилегий не существовало. Не было их и в Литовско-Русском государстве, возникшем после падения Киевского. Ни одна из составлявших его национальностей не являлась ни господствующей, ни подчиненной. В великом княжестве Московском, представлявшем с самого начала русско-татарско-финскую землю, наблюдался при Василии Темном такой наплыв татар на московскую службу, что русские чувствовали себя отодвинутыми на второй план. Татарский царь Симеон Бекбулатович посажен был Иваном Грозным в качестве царя для «земщины», а во время династического кризиса 1598 г. имел шансы выступить кандидатом на всероссийский трон, по какой-либо причине навлек на себя гонения со стороны Бориса Годунова.

Национальный характер власти сохранился и в Российской Империи. Достаточно спросить, какое дворянство стояло ближе к трону, русское или прибалтийское? Анекдот про какого-то генерала, будто бы просившего чтобы его произвели в немцы — характерен. Когда Ю. Ф. Самарин написал книгу, разъяснявшую русскому обществу, что Прибалтика лишь номинально числится за Россией, а фактически принадлежит немцам, он не мог издать ее на родине, она вышла в Праге и подверглась запрещению в России, автору же сделан строгий выговор.

Власть открыто стала на немецкую точку зрения, по которой Прибалтика принадлежит не России, а императорской короне.

На таких же основах покоилась привязанность прочих нерусских земель.

Кн. А. М. Горчаков рассказывал: «Знаете одну из особенностей моей деятельности, как дипломата? Я первый в своих депешах стал употреблять выражение «Государь и Россия». До меня не существовало для Европы другого понятия, по отношению к нашему отечеству, как только: «император». Граф Нессельроде, даже прямо мне говорил с укоризной, для чего я это так делаю? «Мы знаем только одного царя, говорил мой предместник, нам нет дела до России».

Граф Нессельроде, занимая самый высокий пост канцлера российской империи, ни слова не знал по-русски и знать не хотел. Не знали, также, Поццо ди Борго, русский представитель на Венском конгрессе, и многие другие высокие чиновники русской службы. Кн. Адам Чарторыйский, ненавидевший Россию, по его собственным словам настолько, что отворачивал лицо при встрече с русскими, сделан был руководителем внешней политики России.

В какой другой стране возможно такое?

При Александре I одного русского выслали из Петербурга за проявление русского патриотизма. При Александре II по такому же поводу выслан был И. С. Аксаков.

Русский национализм находился под одинаковым подозрением, что и национализмы других народов. Он никогда не совпадал с идеологией «официальной народности» с ее трехчленной формулой «самодержавие, православие, народность». «Народность» там понималась туманно, отнюдь не в этнографическом смысле, а больше, как умонастроение. К ней относилось все преданное престолу, независимо от национального обличия и веры. Не лишне отметить, что столпами этой идеологии явились, преимущественно, лица не русского происхождения — Бенкендорф, Булгарин, Сенковский, Греч. Славянофилы относились к ней столь же отрицательно, что и западники.

Русская государственность никогда не связывала себя с национальными интересами какой-нибудь подвластной народности. Конечно, все три ветви русского народа, вместе взятые, составлявшие больше 80% населения, не могли не производить впечатления национальной опоры трона и предмета наибольших забот со стороны власти. Но такое впечатление ошибочно. Власть усматривала свой долг не в удовлетворении национальных претензий, а в попечении о «благоденствии».

Когда в доказательство национального угнетения малых народов, приводят случаи репрессий против выступлений националистических партий, то обычно под-

даются соблазну модернизации. Природу этих репрессий лучше всех понял В. А. Маклаков, полагавший, что царизм «угнетал национальности не потому, что они были иноплеменны, а потому, что они были «общество», которое должно было иметь один только долг — повиноваться». Такого же долга требовал он от русской народности. «Чистое самодержавие», по словам Маклакова, не понимало смысла национальной проблемы по причине равенства в его глазах всех национальностей.¹ Этим объясняется широкое допущение их в состав русской знати и служилого люда состоявших, чуть не на три четверти, из неславянских элементов. Если же принять во внимание ассимиляцию Мери, Веси, Чуди, Мещеры, Муромы, Татар, Половцев, Печенегов, Торков, Берендеев и других тюркских и финских племен, то русский народ лишь условно можно причислить к славянству. Этого народа не было в момент образования государства. Среди Полян, Древлян, Северян, Вятичей, невозможно найти племени по имени Русь.

* * *

Подобно варяжской проблеме, вопрос о значении и происхождении слова «Русь» принадлежит к числу неразрешимых, при существующем состоянии источников и существующих методах исследования. Одно ясно, оно не может быть связано с так называемым призванием князей. Оно встречается задолго до 862 года.

В летописные времена Русью называлось не племя, а государственная верхушка — князья, княжи мужи, дружинники. Все это были выходцы из различных семейств, родов, племен и народов, порвавшие с первобытным укладом, с местной ограниченностью, положившие начало новым формам жизни и культуры. Никто не возьмет смелости утверждать, будто славянский элемент преобладал в этой среде. Скорей наоборот. Там видим в большом количестве варягов, финнов, венгров и всяких

---

¹ В. А. Маклаков — «Власть и общественность на закате старой России».

степных выходцев. В 979 г. «прииде печенежский князь Ильдея и би челом Ярополку в службу; Ярополк же прият его и даде ему и грады и власти и имяше его в чести велицей». Под другим годом: «прииде в Киев печенежский князь Кучюг и восприя веру христианскую и крестися... и со всяцем повиновением праведно служиша благочестивому самодержцу». Через Тьмутороканское княжество к нам шло множество хозарских, кавказских, греческих элементов. Мстислав Владимирович в 1024 г. вывел оттуда свой двор и дружину, состоявшую из Аланов, Ясов и Касогов. Все это, оседая в Поднепровье, становилось не славянами, а Русью.

На всем пространстве киевской империи имя Руси означало государственность и культуру. Выработавшийся под его знаменем народ сделался государственным народом, носителем надплеменного, надрасового начала. Культура его не могла быть местной, связанной с отдельным племенем. В нее вошло все значительное, что обреталось на великой русской равнине, но вошел, также, опыт Запада и Востока. Даже церковно-славянский язык, послуживший основой для развития русского литературного языка, был не местный, но принесен извне.

* * *

Нам русским всегда стараются внушить отвращение к своему прошлому. Когда говорят о своеобразии нашего исторического процесса, то называют татарское иго, самодержавную власть, нищету и темноту народа. Более просвещенные не забывают щегольнуть цитатой из летописи о великости и обильности нашей страны и об отсутствии в ней порядка.

Только в поэзии живет сознание ее необыкновенного трагизма. «О, Русская земля!» Этому горестному восклицанию первого великого нашего поэта XII столетия, прозвучали в ответ, через семь веков, с такой же проникновенностью, стихи Блока о России: «Роковая родная страна!..»

Для гордого взора иноплеменного, для «просвещенного» русского шестидесятиничества, никакого «рока», конечно, не существует. Кнут, дыба, воеводские побо­ры, барщина, шемякин суд — вот и весь рок. С приходом к власти большевиков, эта версия сделалась официальной.

Но ложь и оскорбительный для русского интеллек­та характер такого объяснения слишком очевидны. Существовало ли когда государство без взяточничества, без коррупции, без злоупотребления властью, без жан­дармов, притеснений и несправедливости? И впрямь ли далеко ушла Россия, в этом смысле, от Европы? Од­них рисунков и эстампов Домье, посвященных француз­скому правосудию, достаточно, чтобы стусевать и сде­лать ничтожной фигуру нашего примитивного Шемяки. Никогда в старой России не было таких кошмарных застенков и тюрем, как в просвещенных странах Запада. Были «Грозные Иваны, Темные Василии», но разве не было Христиана II датского, «северного Нерона»? Разве не было Эрика XIV шведского, Филиппа II испанского, «белокурого зверя» Цезаря Борджиа? В русском прош­лом не найти ничего похожего на холодную жестокость венецианской Сеньерии, на испанские аутодафе, на аль­бигойскую резню, костры ведьм, Варфоломеевскую ночь. Про Россию никогда нельзя сказать того, что сказал Вольтер про Англию: «ее историю должен писать палач». И никогда русских крестьян не сгоняли с земли, обре­кая на гибель, как в той же Англии, в эпоху первоначального накопления. Никогда эксплуатация крепостных не была более безжалостной, чем в Польше, во Франции, в Германии. Даже при подавлении бунтов и восстаний, русская власть не проявляла такой беспощадности, какую видим на Западе. Расстрел 9 января и карательные экспедиции 1905 г. не идут в сравнение с парижскими расстрелами Кавеньяка и Галифэ. Если же обратиться к колониальным зверствам европейцев, то у самого К. Маркса, описавшего их в 1 томе «Капитала», не по­вернется язык сравнивать с ними русское освоение Си­бири или Кавказа.

Грязи и крови налипло на европейскую государственность несравненно больше, но никаким трагическим фоном для тамошней истории они не служат. Не злоупотреблением властью создан и трагизм русской истории. Россия — страна великих нашествий. Это не войны маркграфов саксонских с курфюрстами бранденбургскими, это периодически повторяющиеся приходы Аттилы и Чингизхана под знаком полного порабощения и уничтожения. Это нечеловеческое напряжение сил, и без того бедной от природы страны, для отражения в десять раз сильнее врага.

Когда кончилась вторая мировая война, во всех театрах показывался документальный фильм: запруженные народом улицы Лондона, Парижа, Нью Йорка, ликующие толпы, радостные лица. Но — вот Москва. Там плачут. Как после Куликовской битвы, люди слезами встречали победу. Если США потеряли в войне немногим больше двухсот, французы — четырехсот, англичане — четырехсотпятидесяти тысяч, то русских погибло, по самым скромным подсчетам, шестнадцать миллионов. Что ни Батый, что ни Мамай, что ни Наполеон, то гекагомбы жертв, то призрак конечной гибели, длительное залечивание ран.

А ведь были и другие вторжения. По русским масштабам, они — «второстепенные», но Запад и таких не знал. Чего, например, стоил набег Девлет Гирея в 1571 году? Вся Москва, за исключением Кремля, сожжена, жители перебиты, либо уведены в плен, а край на сотни верст обращен в пустыню. До миллиона человек сделались жертвами нападения. Это в то время, когда все Московское государство, дай Бог, если насчитывало пять миллионов жителей. Через тридцать лет «Смута» — дымящиеся развалины, опустошенные города, вырезанные селения, шайки иноземных грабителей, гуляющие по всей стране, захваченные врагом Москва и Новгород. Ни один из западных народов не жил под такой угрозой вечного нашествия. Духовные и физические силы столетиями поглощались борьбой со смертельной опасностью, шедшей со всех сторон. Уже киевской Руси, не знавшей

с начала X века покоя от печенегов, половцев, торков, черных клобуков, всякой степной сарыни, пришлось предпринять сооружение линии городов-крепостей по Суле, по Стугне, по Трубежу, переводить для их заселения массу народа с новгородского севера. В Московском Государстве, изнуренном военными налогами и тяглами, силы уходили на выкуп полоняников, на возведение многочисленных каменных кремлей, гигантских городских стен, вроде смоленских, на поддержание «засечной черты» — бревенчатого вала протяжением свыше двух тысяч верст.

До XVIII века продолжались степные набеги, наполнявшие миллионами русских пленников невольничьи рынки Ближнего Востока. Только с сокрушением крымских и кавказских вассалов Турции, угроза с этой стороны миновала. Зато черной тучей поднялась опасность с Запада.

И вечный бой. Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль.

По словам Арнольда Тойнби, постоянные, начиная с XIII века, угрозы Запада приобрели особенно серьезный для России характер в связи с промышленным переворотом и ростом техники в Европе, когда создалась опасность порабощения ею всего мира.

Тойнби, в противоположность большинству своих собратьев, оказался способным признать, что в продолжение четырех с половиной столетий, вплоть до 1945 г., «Запад был агрессором в полном смысле слова», что Россия только в этом 1945 г. могла вернуть последние части своей территории, отнятые у нее западными державами в XIII-XIV столетиях. Многовековое давление Запада на Русь, он считает первостепенным фактором, определившим ее внутреннюю жизнь, в частности, создание самодержавия, без которого невозможно было противостоять завоевательным стремлениям соседей.¹

---

¹ Arnold Toynbee — “The World and the West” 1953 London, стр. 2-10.

Крупнейшие русские историки — Соловьев, Чичерин, Милюков, придавали военному фактору определяющее значение в русском историческом процессе. Это был тот таинственный перст, что пожаром и кровью вычерчивал наш путь в веках. Он же диктовал суровые законы внутренней жизни — крепостное право для защиты страны, сильную централизованную власть.

* * *

Трагедия России не в одних физических муках и материальных лишениях, она имеет другой аспект, похожий на душевную боль. Ее можно было бы назвать драмой культуры. Есть засушливые страны, где существует постоянная забота о воде. В России, на протяжении всей тысячи лет, ощущался недостаток культуры. Она всегда была заморским импортным товаром и всегда представляла тонкий хрупкий слой, прикрывавший нетронутую еще просвещением стихию. Германским варварам, поселившимся на территории римской империи, она досталась, как дар судьбы; даже камень для постройки городов и храмов им не пришлось добывать — брали из римских руин. Застали еще цивилизованное население, с которым слились и от которого восприняли древнее наследие. Косматые предки Бодлера и Верлена, от которых пахло чесноком и луком, учились стихосложению у Сидония Аполлинария. У кого было учиться русским боянам? Или вкуса к стихам и просвещению у них было меньше, чем у германцев?

Дион Хризостом, посетивший Ольвию в первом веке н. э., нашел культ Гомера на берегах Днепра и Буга. Люди в скифском одеянии, почти все скифы по крови, собирались на площади, чтобы послушать стихи или речь приезжего ритора. Наше Причерноморье раньше других стран Европы, если не считать Италии и юга Франции, подверглось воздействию греческой культуры. Корни пущенные ею с VII века до н. э. оказались здесь глубже, чем в той же Франции. Скифские стоянки наполнились шедеврами греческого ремесла и искусства. Целые пле-

мена, вроде Каллипидов, Алазонов, Тавров, эллинизировались, восприняли язык, обычаи, религию греков и под конец слились с ними. Но культура не удержалась на берегах Понта. Общий упадок Эллады погубил и ее заморские колонии. Отрезанные от метрополии, они не в силах были противостоять степной стихии. С ними погибло и цивилизованное скифское население — плод многовекового просветительства. Эллинистический период не удался в истории России.

Печальна участь другого расцвета. В X веке, вместе с христианством, воспринята была самая высокая культура в Европе. За короткое время, Киев стал первым после Константинополя городом. До XIII века вряд ли было много на Западе зданий равных по размерам и роскоши Десятинной церкви, св. Софийм киевской и новгородской, владимирским соборам, Золотым воротам в Киеве и во Владимире. Возникло множество культурных центров, процветали ремесла, иконопись, книжное дело, деревянное и каменное зодчество. Открытые недавно берестяные письма в Новгороде обнаружили широкое распространение грамотности в народе — явление исключительно редкое в средние века.

И все сметено татарским нашествием.

Очередная катастрофа последовала в XX веке. В костре революции погибли невозстановимые ценности. Уничтожен и без того тонкий слой умственной элиты, оборвана нить преемственности. Россия отброшена к допушкинским временам.

Слов нет, русскому прошлому не выдержать сравнения с сытой, нарядной, комфортабельной историей Запада. Но если Дездемона мавра «за муки полюбила», то нам ли смотреть чужими холодными глазами на многострадальный путь своей родины?

* * *

Восток много грабил, убивал, облагал данью, уводил в плен, но делал это по корыстным, хищническим побуждениям. Яда ненависти в нем не было. Фатальнее

всех катастроф, набегов и разрушений — тысячелетняя вражда Запада. Она едва ли не унаследована от Рима, рассматривавшего все невключенное в границы империи, как враждебное римскому миру. В V веке Галлию наводнили франки и бургунды, ничуть не менее дикие, чем скифы, но с ними, сравнительно, быстро примирились. Тот же Сидоний морщился, делал брезгливую мину, подсмеивался над их варварством, но не отзывался так беспощадно, как о жителях нашей страны, которых он в глаза не видал. Из его восклицаний о «затверделых сердцах этих зверских и суровых народов», об их «ледяных нервах», о «безумных вспышках их зверского и дикого невежества» можно заключить о существовании на заре средневековья пугающей легенды относительно востока Европы.

Через таких, как Сидоний, вражда и презрение Рима к народам русской равнины передались романо-германскому миру. В XIII в. ее уже не в силах была смягчить величайшая катастрофа, разразившаяся над Русью. Именно в роковые 1240-1242 годы, когда татары, разгромив северо-восток, опустошали киевский юг — с запада последовали удары шведов и ливонцев. Что шведы и ливонцы действовали с ведома, согласия, а по некоторым сведениям, и по наущению Европы, это известно.

Еще Фр. Энгельс отметил, что «Римская церковь в средние века объединяла всю феодальную западную Европу, несмотря на внутренние войны, в одно огромное политическое целое, стоявшее в противоречии, как с греко-православным, так и с магометанским миром». Это единство не нарушилось и после реформации. «Россия и Европа», как два разных мира, обозначились очень давно. С самого начала повелось так, что Русь противопоставляли не Австрии, не Франции, не какой нибудь другой отдельной стране, а целой Европе. Выработалось единое для всех частей Запада враждебное отношение к России. В разные времена оно имело разное обоснование — религиозное, политическое, расовое, даже историософское. Создалась обширная литература памфлетов и исторических сочинений, направленных на всяческое посрам-

ление России. Появились поддельные документы, вроде «Завещания Петра Великого», заведомо сочиненные анекдоты («потемкинские деревни»), тенденциозные описания Московии. Наконец, проекты ее военного уничтожения.

* * *

Более 400 лет тому назад, возникла идея недопущения России к благам цивилизации. Хорошо известно дело Ганса Шлитте, завербовавшего в 1547 г., по поручению Ивана Грозного, свыше 120 специалистов на русскую службу — врачей, инженеров, художников, каковые не были пропущены в Россию, а сам Шлитте посажен в любекскую тюрьму. Известно, также письмо польского короля Елизавете английской, упрекавшее королеву за позволение своим подданным торговать с московитом — врагом всей Европы. В письме выражалась боязнь, что если к своей природной силе он приложит знание и технику, он станет непобедимым.

Россия являет единственный в своем роде пример страны, которой пришлось брать культуру вооруженной рукой. Так было при Петре, так было при Владимире. Владимиру, захотевшему ввести у себя православие, пришлось итти походом и, как бы, отвоевать его у Византии. Известно, что Царьград рассматривал христианизацию варваров, как средство включения их в свою государственную систему.

Бой данный Владимиром Царьграду был боем не за свою «варварскую старину», как выразился проф. А. В. Карташев, а за свободу и государственную независимость Руси. И не христианству давал он бой, а византийскому властолюбию и надменности. То был бой во имя христианства, которого он хотел, но которое ему предоставляли только вместе с рабством. Существуют сведения, что уже перед княгиней Ольгой возникал вопрос о сближении с Римом. К внуку ее Владимиру приходили папские послы. Если бы речь шла только о крещении, оно легко могло быть получено от Рима. Но русские не всякого крещения хотели. На примере чехов

и моравы они знали, что латинство представлено на востоке свирепым, беспощадным тевтонством — могильщиком славян. Латынь изгоняла кириллицу из этих стран с помощью германского меча. Самое же главное, латинство было в их глазах провинциальным явлением в сравнении с греческим православием, так же как вся тогдашняя западная культура была провинциальной в сравнении с византийской. Борьба за греческий обряд была борьбой за высшую и сознательно облюбованную христианскую культуру.

Но цивилизованный мир в лице Византии, уже тогда предстал нам во образе такой гордыни, что Владимиру, несмотря на взятие Корсуня и на собственное крещение, так и не удалось, повидимому, получить христианство для Руси из Константинополя. После труда М. Д. Приселкова, историческая наука все больше склоняется к мысли, что православие пришло к нам не от греков, а от болгар, из охридской патриархии. Только позднее греки приняли русскую церковь в свою юрисдикцию. Высокомерие византийцев задолго до Владимира испытала на себе его бабка Ольга, ездившая креститься в Константинополь. Она там натерпелась столько унижений, что вернувшись в Киев, нагрубила императору.

* * *

Если так встретила Русь православная Европа, чего же было ждать от Европы неправославной? Она до сего дня продолжает оставаться неизменно враждебной. Трагичен для нас не факт ненависти самой по себе, а то, что она исходит от предмета нашей любви. Мы успели полюбить Запад упорной, неизлечимой любовью — его «острый галльский смысл», его «сумрачный германский гений». После Петра, вся физиология нашей умственной жизни неразрывно связана с физиологией Запада. У нас нет иного пути, кроме западного. Но какие тернии растут на этом пути! Мы — единственный народ обложенный высокой духовной пошлиной при въезде в Европу. Цена нашего европеизма определяется умением

с легким сердцем отряхнуть прах своей родины или «сладостью отчизну ненавидеть», как Печорин и Чаадаев. Тип подлинно русского европейца не принимается Европой.

Гитлеровские войска, старательно уничтожавшие русские культурные ценности в петербургских пригородах, в Новгороде, в Париже и в Праге, выдали факт живучести на Западе давнишней неприязни к сочетанию слов: «культура» и «Россия». За двести лет, наше западничество ничего кроме плевков или снисходительных усмешек не получало от Европы. Но мы стали пользоваться бешеным успехом как только обернулись к ней «своею азиатской рожей». Оказалось, что это то и есть истинный европеизм. Теперь уже не одни миллионные толпы распропагандированного темного люда, но добрая половина ученого, литературного, артистического Запада сделала Москву своей Меккой. Презиравшаяся и ненавидимая столица национальной России поднята ныне на щит, как столица мирового коммунизма. Запад любит советский коммунизм — создание своего духа, но ненавидит Россию историческую. От его первоначальной антисоветской идеологии ничего не осталось, она вся подменена идеологией антирусской. Ошеломляющая эпопея космических полетов приписывается не русскому гению, а победам коммунизма. Когда за границей гастрوليрует русский балет, в газетах можно прочесть выражения восторженной благодарности: «*Spasibo Nikita Sergeevich!*»; но все коммунистические перевороты в Китае, в Индокитае, в Лаосе, в Индонезии единодушно относятся за счет «извечного русского империализма». Политические лозунги Запада зовут не к свержению большевизма, а к расчленению России. Нам приходится быть свидетелями триумфального шествия советского имени по всему свету и небывалого поношения имени русского. Ни в СССР, ни за границей нет ему заступников.

Но не убоимся своего одиночества, своей малочисленности! Отмечая 1100-летие Руси, мы призваны заявить о нашей любви к той России, чей образ связан с ее именем и запечатлен историей. Сколь бы горестен ни был ее путь — он наш путь, и мы не смеем, как говорил В. Розанов, бежать от своей биографии и подставлять на место мотивов из нее, мотивы чужих биографий.

Вместе с Пушкиным скажем, что другой истории, кроме той, которая у нас была — не хотим. История, родина, как отец и мать не выбираются, не ищутся, а даются судьбой. За это таинственное веление судьбы, за титаническую борьбу с драконом, за устремление к свету чтим мы старую Россию — родину всех великих ценностей созданных нашим народом.

Уж сорок пять лет, как ее естественное национальное развитие прервано, страна поставлена на службу интернациональным коммунистическим целям, превращена в робота мировой революции. Еще немного и не станет помнящих ее дореволюционного прошлого. Но останется история. Истина лежащая в основе ее, как науки и, как явления, не погибнет. Это только для Мефистофеля, служителя «вечного Ничто», «прошло и не было — равны между собой»; для Того, кому он проиграл бессмертную часть Фауста, «прошло» отмечено той же ценностью, что «есть» и «будет».

День посвящаемый отечественной истории подобен дню поминовения родителей. В старину верили в заступничество предков. Надо верить и нам. Верить в непостижимые законы России, в ее иррациональное начало, во все, что подметил Блок и что вылилось у него в стихе: «И невозможное возможно...»

Если правда, что умершие поколения управляют судьбами народов в неменьшей мере, чем живые, то есть еще у нас заступники.

Поверим же в чудо русской истории! Поверим в возможность невозможного!

